

2006

Закон о языке и культура речи

Елена Шмелева

Follow this and additional works at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj>

Part of the [Slavic Languages and Societies Commons](#)

Recommended Citation

Шмелева, Елена (2006) "Закон о языке и культура речи," *Russian Language Journal*: Vol. 56: Iss. 1, Article 10.

Available at: <https://scholarsarchive.byu.edu/rlj/vol56/iss1/10>

This Article is brought to you for free and open access by the Journals at BYU ScholarsArchive. It has been accepted for inclusion in Russian Language Journal by an authorized editor of BYU ScholarsArchive. For more information, please contact ellen_amatangelo@byu.edu.

Закон о языке и культура речи

Елена Шмелева

В разных странах люди по-разному относятся к родному языку. В России в силу целого ряда причин сложилось представление о русском языке как о национальном достоянии и предмете гордости россиян. Каждый, кто учился в советской или российской школе, то есть по сути любой гражданин Российской Федерации, твердо знает, что русский язык – “великий и могучий” (И. Тургенев), что его надо беречь и хранить: “Но мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!” (Анна Ахматова). Это массовое, всенародное убеждение, что русский язык играет особую роль в русской истории и культуре отражается в творчестве практически всех русских писателей и поэтов XIX – XXI вв., см., например, эссе лауреата нобелевской премии по литературе поэта Иосифа Бродского, которое так и называется “Самое святое – наш язык...”: “Я думаю, что у России... я бы сказал так (хотя это несколько рискованное заявление): самое лучшее и драгоценное, чем Россия обладает, чем обладает русский народ, – это язык. И всякий, кто пользуется языком добросовестно, паче того – с талантом, должен быть народом уважаем, чтим, любим. Самое святое, что у нас есть, – это, может быть, не наши иконы, и даже не наша история – это наш язык”.

При этом носители русского языка уверены в существовании некоего “правильного русского языка”, на котором следует говорить и который должен оставаться неизменным по крайней мере на протяжении жизни одного поколения. Но в отличие от мертвых языков, мумифицированных в грамматиках и словарях, живые языки меняются. И особенно сильно они меняются в переломные моменты жизни общества: так же, как русский язык не мог остаться прежним после Октябрьского переворота, он не мог не измениться после крушения советской системы и падения “железного занавеса”. Происходящие сейчас в русском языке процессы: появление большого числа заимствований, изменение темпа речи и интонации, “утрата” склонения количественными числительными и некоторыми группами имен существительных, появление новых синтаксических конструкций и речевых стратегий – совершенно естественны: они свидетельствуют не о гибели русского языка, а о его бурной жизни. Но носители русского языка в массе своей воспринимают языковые изменения крайне болезненно; у людей появляется ощущение (которое активно поддерживают средства массовой информации), что русский язык гибнет,

происходит, как пишут журналисты, “языковая катастрофа”, русский язык необходимо срочно спасти от мата, сленга, иностранных слов. Поэтому депутаты как “выразители народных чаяний” просто обязаны были показать, что они разделяют беспокойство своих избирателей и им не безразлично состояние русского языка. В этом я вижу причину принятия Закона о языке.

Я, как и большинство известных мне российских лингвистов, по мере сил возражала против принятия этого закона – конечно, не потому, что мне безразлично, как пишут или говорят по-русски мои соотечественники, и даже не только потому, что текст закона изобилует двусмысленными и непонятными формулировками, что может создать почву для коррупции или рычаг давления на неугодные СМИ. (Неоднократно отмечалось, что не четко определена сфера действия Закона о языке, поскольку не ясно, что понимают авторы закона под “государственным языком”; не понятно, на основе каких критериев и кем будут определены “слова и выражения, не соответствующие нормам современного русского литературного языка”, а также “иностранные слова, не имеющие общеупотребительных аналогов в русском языке”.) Я расцениваю принятие Закона о языке как популистский и бессмысленный акт, потому что считаю, что никакой закон не может быть направлен на “защиту и развитие языковой культуры” (а именно такая задача ставится в Законе о языке). Как можно законодательно повысить культуру речи и обязать людей говорить красиво и грамотно?

При этом я не согласна и с теми, кто считает, что государство вообще не может и не должно вести языковую политику. Именно государство должно выделять деньги на подготовку и издание учебников и словарей русского языка, пропагандировать русский язык за границей, разрабатывать и внедрять учебные программы по русскому языку. В частности, в настоящее время в связи с приездом в Россию нескольких миллионов жителей бывших советских республик необходимо подготовить школьные учебники и ввести во многих школах курс “русский как второй язык”. Справедливости ради надо отметить, что некоторые разумные меры, направленные на защиту и поддержку русского языка, упоминаются в Статье 4 Закона. Это совершенствование системы образования и системы подготовки специалистов в области русского языка и преподавателей русского языка; содействие изучению русского языка за пределами Российской Федерации; государственная поддержка издания словарей и грамматик русского языка. Непонятно однако, зачем нужно было

принимать специальный закон – достаточно прописать эти направления отдельной строкой в Федеральном бюджете Российской Федерации.

Я вообще не считаю, что на речевую культуру общества никак повлиять нельзя и что языковые процессы сродни явлениям природы. Ведь современный русский литературный язык, как и большинство литературных языков, является плодом активной и сознательной работы писателей, лингвистов и вообще всего образованного общества. Языковые процессы в целом действительно достаточно независимы от воли конкретных людей, даже авторов словарей и грамматик. Это, однако, не означает, что лингвисты не могут и не должны вмешиваться в жизнь языка. Трудно повлиять, например, на грамматические или фонетические процессы, но можно изменить отношение людей к русскому языку и степень владения им. В современном обществе особенно большие возможности для влияния на культуру речи имеют средства массовой информации и Интернет, и вопрос только в том, будут ли эти возможности использованы во благо или во зло. Если телеканалы и радиостанции будут следить за культурой речи своих сотрудников, рекламные материалы не будут тиражировать ошибки, а периодические издания будут издаваться без орфографических ошибок, это сразу же скажется на повышении культуры речи россиян. Также эффективным средством улучшения языковой ситуации являются теле- и радиопередачи, посвященные русскому языку. Эти программы могут привить вкус к хорошей речи и любовь к родному языку, но сделать это интересно, весело и ненавязчиво. Мой пятилетний опыт работы в программе “Грамотей” на радиостанции “Маяк”, многочисленные письма и звонки радиослушателей с очевидностью свидетельствуют о том, что передачи о языке пользуются популярностью у самой широкой аудитории, людей всех возрастов, разного социального положения, жителей больших городов и отдаленных поселков. В настоящее время, когда в русском языке на глазах происходит изменение норм, появляются новые слова и грамматические конструкции, которые не успевают фиксировать словари и грамматики, людям необходимо знать мнение авторитетных носителей русского языка. При этом россияне сейчас не доверяют ни актерам, ни политикам, ни олигархам, ни дикторам радио и телевидения. Поэтому передачи о языке на радио и телевидении, в которых выступают авторитетные носители русского языка: ученые, авторы словарей и грамматик, университетские профессора и школьные учителя, – являются гораздо более эффективным средством улучшения языковой ситуации, чем Закон о языке.